

Д. В. Цыганкин (Саранск)

Некоторые размышления о сложении основ
как об одном из активных способов образования слов
в мордовских языках

Древнейшим способом словообразования является сложение, с помощью которого образуются сложные слова (компози-ты). Более того, словосложение лежит в основе древнейших процессов формирования грамматического (морфологического) строя агглютинативных языков. Многие суффиксы и окончания некогда были самостоятельными словами; постепенно, выполняя служебные функции, они утратили признаки самостоятельных слов, образовав два основных типа грамматических морфем – деривационных и реляционных. Этот процесс перехода лексических морфем в грамматические происходит и в наше время. Например, суф. *-ши*, э. *-чи*, с помощью которого образуются существительные с абстрактным значением сохраняет материальное сходство со словами м. *ши*, э. *чи* 'солнце, день, существование', сравните: м. *парши*, э. *парочи* 'добро' (м. *пара*, э. *паро* 'добрый'), м. *вачаши*, э. *вачочи* 'голод' (м. *вача*, э. *вачо* 'голодный') и м. *пара ши*, э. *паро чи* 'хороший день', м. *вача/э. вачо тине* 'голодная собака' и т. д.

Выделение и научная характеристика сложных слов остается одной из трудных и не до конца разработанных проблем не только в мордовском, но и в современном языкознании в целом. Некоторые лингвисты склонны вообще отрицать наличие универсальных признаков сложного слова. "Универсальных же признаков сложного слова..., по всей видимости, и не существует", – заявляет, например, Е. С. Кубрякова [1965: 65]. Особенно трудным оказывается разрешение этой проблемы в отношении агглютинативных языков, в которых сложные слова материально зачастую мало чем отличаются от словосочетаний, либо от суффиксальных образований. М. А. Келин [1968: 67], специально исследовавший сложные слова в мордовских языках, выдвигает следующие признаки, отличающие сложные слова от словосочетаний: 1) "обособление значения сложного слова от суммы значений его компонентов"; 2) "семантическое единство составляющих элементов"; 3) "невозможность замены абсолютной формы первого компонента словоизменяемых суффиксов"; 4) "твердый порядок составных частей"; 5) "объединяющее ударение". От суффиксальных производных сложные слова отличаются тем, что "каждый из компонентов

наполнен лексическим содержанием” и употребляется самостоятельно в современном языке [Келин 1968: 4], иначе говоря, сложное производное имеет более чем мотивирующую основу. Остановимся более подробно на перечисленных признаках.

Производное, образованное способом сложения, сравнительно нетрудно отличить от суффиксального производного: последнее имеет одну мотивирующую основу, а сложное слово соотносится материально и семантически с двумя или более самостоятельными словами. Например, м., э. *модамарь* ‘картошка’ (*мода* ‘земля’, *марь* ‘яблоко, клубень’), э. *черьгуй* ‘волосатик (паразитический)’ (э. *черь* ‘волос’, *гуй* ‘змея’).

При этом возможны следующие ошибки:

а) в синхроническом аспекте неверно относят к числу сложных такие образования, в которых один из компонентов не соотносится с тем словом, к которому он исторически восходит; например: м. *месендемс*, э. *меснемс* (исторически *мезе тиемдемс*, в западных мокшанских говорах до сих пор произносят *местендемс*) ‘что делать’, м. *виденцямс* ‘признать вину, сознаться в ч.-л.’ – в этих словах лишь с помощью этимологического анализа обнаруживается слияние двух лексических единиц, впрочем слово *виденцямс* образовалось в результате эллиптического употребления сочетания *виденц азомс* ‘правду сказать’ – второй компонент выпал, а первый компонент, оформленный притяжательным аффиксом, принял глагольную форму;

б) было бы ошибочным считать (а эта ошибка встречается) производными сложными словами (имеется в виду синхронический аспект) те слова, которые некогда образованы более чем из одной основы, но с течением времени претерпели значительные фонетические, морфологические и семантические изменения, опростились, утратили былую морфологическую членимость, так, слово м. *тозер*, э. *товзюро* ‘пшеница’ (ср. *тов* ‘семя’, м. *тя* ‘это’), м. *рвья*, э. *урвья* ‘жена’ (ср. *уре* ‘раб’, *ава* ‘женщина’), а также м. *цятя* ‘дед по матери’, *цава* ‘бабушка по матери’, *цака* ‘тетка по матери’ (ср. *атя* ‘старик’, *ава* ‘женщина’, *ака* ‘старшая сестра’) не могут квалифицироваться как сложные в плане синхроническом, ибо в их составе не выделяются лексические морфемы, соотносительные с двумя или более самостоятельно употребляемыми словами;

в) неправильно относят к числу сложных слов и те производные, в которых второй компонент является достаточно регу-

лярным: фактически по своим функциям не отличается от словообразовательного суффикса; такими элементами являются, например, м. *-ши*, э. *-чи*, м. *-няль*, э. *-пель*, э. *ни*, м. *-ря*, э. *ланго*, м. *ланга*. Слова типа м. *парши*, э. *парочи* 'добро, предмет имущества', м. *шумбраши*, э. *шумбрачи* 'здоровье', м. *ярхцямбяль*, э. *ярсамопель* 'еда, пища', м. *уштомбяль*, э. *уштомапель* 'топливо', *Васяниэ* 'жена Василия', *Фанаря* 'жена Фаны (Афанасия)', э. *чокшинеланго* 'вечернее время' и др., по-видимому, будет правильнее считать аффиксоидными образованиями, ибо второй компонент этих слов (1) по значению мало соотносится с корневой морфемой, к которой, возможно, он исторически восходит (*-ши*, *-чи*, *ши*, *чи* 'день, бытие, существование', *-няль*, *-пель*, *пяль*, *пель* 'средство, сторона, направление', *-ря*, *рввя* 'жена') и (2) является достаточно регулярным, образующим определенную функциональную группу слов. Действительно, в составе слова м. *парши*, э. *парочи* 'добро, предмет имущества' компонент *-ши*, *-чи* ничего общего в семантическом плане не имеет с самостоятельным словом *ши*, *чи* 'день', а также 'бытие, жизнь' (сравните с действительно сложными словами: м. *тонаши*, э. *тоначи* 'потусторонняя жизнь, загробный мир', м. *тячи*, э. *течи* 'сегодня'), далее, по своим функциям и регулярности такие компоненты мало или совсем не отличаются от других суффиксов, обладают определенным словообразовательным значением (так компонент м. *-няль*, э. *-пель* имеет значение 'средство для действия, выраженного производящей основой'; компонент м. *-ши*, э. *-чи* образует существительные со значением признака и, реже, предметы, причем, мотивирующим словом чаще всего является качественное прилагательное: м. *козяши* 'богатство', ср. *козя* 'богатый', э. *кемечи* 'крепость, твердость', ср. *кеме* 'крепкий, твердый').

Как видно из сказанного, сложные слова отличаются от суффиксальных производных наличием более чем одной мотивирующей основы, в словообразовательном плане каждое сложное слово сохраняет соотнесенность с двумя (очень редко с тремя) самостоятельно употребляемыми словами. Суффиксальное производное имеет только одну мотивацию.

Труднее отличить сложное слово от словосочетания. Выше указывалось, что обычно выделяют пять признаков, отличающих сложное слово от суммы значений его компонентов. Этот критерий, как отмечает М. А. Келин, применим "только к устойчивым сложным словам". К таким словам он относит образования типа

м. *вайгяльбе*, э. *вайгельбе* (*вайгяль*, *вайгель* 'голос', *пе* 'конец'). "Компоненты данного слова в совокупности приобретают третье значение, которое отличается от значений объединяемых элементов" [Келин 1968: 6].

Вернее сказать, сложные слова, подобные приведенному, формировались на базе словосочетания с переносным, образным значением, которое с течением времени утратило эту особенность: постоянное употребление словосочетания с одним и тем же значением приводит к его лексикализации и утрате фигуральности выражаемого содержания.

Нечто подобное в отношении тюркских языков утверждает А. А. Юлдашев: "Хотя вновь образуемое лексическое значение и мотивируется прежними лексическими значениями объединяемых компонентов, сложное слово в состоянии стать его носителем постольку, поскольку это новое значение необратимо, возникая только в пределах данного сочетания компонентов". Однако, А. А. Юлдашев не отрывает значение сложного слова от тех лексических единиц, которые стали составными компонентами сложного слова: "В большинстве случаев новое значение во многом соприкасается с прежними значениями компонентов сложного слова, иногда же охватывает значение одного из компонентов почти полностью" [ВЯ. 1969. № 5. С. 78].

Анализ сложных слов приводит к выводу о том, что нет никакой необходимой закономерности отрыва значения сложного слова от значения тех слов, которые стали его образующими элементами. Если же отрыв имеет место, то это только частный случай формирования лексического значения сложного слова через ступень переносного употребления былого словосочетания. Но это не отличает сложное слово, например, от устойчивого словосочетания, т. е. у устойчивых словосочетаний, как и у некоторых сложных слов, может возникнуть, через переносное употребление, новое значение (ср. в русск. языке: *точить балясы*, *разводить турусы*, *прокатить на воронях* и т. д.).

Следующий отличительный признак сложных слов – семантическое единство составляющих элементов. Иначе говоря, значения компонентов сложного слова слагаются в единое понятие, так или иначе связанное с семантикой составных элементов. И это опять-таки не отличает сложное слово от лексикализованных словосочетаний. Семантические критерии без опоры на формальные признаки никак не могут быть достаточными, чтобы отли-

читать сложное слово от словосочетания. Каждый хорошо знает по своему опыту, что одно и то же понятие можно выразить одним словом, словосочетанием, законченным предложением и т. д. Именно опора только на семантические критерии приводит к таким ошибкам, как:

а) смешение слова и названия; слово и название – не одно и то же, название может состоять из одного или нескольких слов; поэтому ошибочно относить к числу сложных слов такие конструкции, как м. *шапакс парь* 'квашня' (*шапакс* 'тесто', *парь* 'кадушка, полость, сосуд'), *ведь пайге* 'водяной пузырь' (*ведь* 'вода', *пайге* 'пузырь'), *мастор пе* 'край земли' (*мастор* 'земля', *пе* 'конец'), *оцю пря короож* 'филин' (*оцю* 'большой', *пря* 'голова', *короож* 'коршун'), *ламбаба сал* 'квасцы' (*ламбаба* 'сладкий', *сал* 'соль'), *шееронь карькс* 'вьюнок' (*шееронь* 'мышиный', *карькс* 'обора, шнурок'), э. *пици палакс* 'крапива' (букв. 'жгучая крапива'), *верень поти* 'пиявка' (букв. 'кровяной сосун'), *чеерень тол* 'светлячок, светящееся в темноте гнилое дерево' (букв. 'мышиный огонь') и др. название, будучи выражением простого или сложного понятия, может состоять из одного или нескольких слов, сохраняющих свою формальную отдельность (смотрите, например, русские названия: *железная дорога*, *горный воск* (озокерит), *каменный уголь*, *ответственный секретарь* и т. д.);

б) случайное отнесение послеложных сочетаний к числу сложных слов, как например: м. *верь потмоса* 'залитый кровью, окровавленный' (букв. 'в крови'); *пакарень пес* 'до кости', *пейнь пачк* 'сквозь зубы', *иялень пjali* 'к вечеру', *шоподема шовор* 'в вечерние сумерки' и др.;

в) к числу сложных слов неверно относят и различные устойчивые сочетания слов с обстоятельственными функциями: м. *васе шлять* 'рано вечером' (более употребительный вариант *васень шлять*, где *васень* означает 'начальный', *шлять* 'вечером'), *комадонь прят* 'с поникшей, с потупленной головой', *алу пантт* 'вниз с горы'.

Считая композитами подобные сочетания, ссылаются не только на их значение, но и на фонетические изменения, которые происходят на стыке составных элементов: выпадение гласного, кроме *у*, *и*, в конце первого компонента или озвончение начального глухого согласного второго компонента, если первый компонент оканчивается на звонкий согласный или узкий гласный (*у*, *и*). Но такие изменения не являются особенностью сложных слов,

то же самое происходит на стыке слов в любом словосочетании [Деваев, Цыганкин 1970: 26–27].

Таким образом, семантические признаки (а также фонетические изменения на стыке сочетающихся лексических единиц) не являются достаточно исчерпывающими и показательными, чтобы отличить сложное слово от словосочетания. Более показательными в этом плане являются формальные признаки.

Одним из формальных признаков, как указывалось выше, считается невозможность замены абсолютной формы первого компонента формой с словоизменительным аффиксом. Указанный признак может быть характерен для таких композитов, которые образовались из имен существительных, например: *ведьгев* 'водяная мельница' (*ведь* 'вода', *кев* 'камень, жернов'), м. *крга-парь* 'горло' (*крга* 'шея', *парь* 'полость, кадушка'), *сельмоведь* 'слеза' (*сельме* 'глаз', *ведь* 'вода'). В этих сложных лексических образованиях, в отличие от сходных словосочетаний, невозможно изменить грамматическую форму и сказать, например, *ведень кев*, *кргань парь*, *сельмень ведь* сравните с сочетаниями: м. *шапакс парь* или *шапаксонь*, *шапаксони парь*; *ведь пайге* или *ведень пайге*; *мастор пе* или *масторть пец* и т. д.

Следующим формальным признаком считается твердый порядок, составных частей сложного слова. Вернее было бы сказать: лексическая неразрывность компонентов сложного слова, суть которой состоит в том, что между ними (компонентами сложного слова) нельзя вставить какое-либо слово и при наличии определительного слова, последнее относится ко всей композите как к единому целому. Например, в сочетании *кельме модамарь* 'холодная картошка' определение *кельме* относится к единой лексической единице *модамарь*, образованной из двух слов: *мода* 'земля' и *марь* 'яблоко, клубень'. Исторически это сложное слово формировалось на базе определительного словосочетания, в котором ядерным (главным) было слово *марь*, а зависимым – слово *мода*, но в современном языке в составе конструкции *модамарь* мы имеем не самостоятельные слова, а две лексические морфемы (два корня), соотносительные с самостоятельным словом, и между ними нельзя вставить какое-либо третье слово, иначе это сложное целое разрушится (попытка соединить определение *кельме* с компонентом *марь* в сложном слове *модамарь* приведет к образованию словосочетания, неправильного как по форме, так и по смыслу: *мода кельме марь* или *модань кельме марь* 'земляное холодное яблоко').

Указанный признак также не является сам по себе достаточным, чтобы отличить сложное слово от словосочетаний. Так, словосочетание м. *ал акша* 'яичный белок' также не допускает ни перестановки компонентов (ср. *акша ал* 'белое яйцо'), ни вставки между ними третьего компонента в виде самостоятельного слова (ср. *ал пидеф акша* 'яичный сваренный белок', что с точки зрения грамматики не верно), но мы его не относим к числу сложных слов.

Очень важной является фонетическая организация сложного слова, в частности, наличие одного главного ударения и невозможность паузы между компонентами. При сочетании двух знаменательных слов оба компонента обладают словесным ударением, между ними возможна небольшая пауза, а в сложном слове имеется только одно главное ударение и паузы между компонентами сложного слова совершенно нет, причем место ударения зависит от фонематической структуры всей композиции, как и в обычном слове [Деваев, Цыганкин 1976: 18–19]. Так, в слове *модамарь* ударение падает на первый слог (в эрзянском языке на любой слог), которое и объединяет весь ряд звуков в единое целое (фонетическое слово), между значимыми элементами которого паузы быть не может. Если же мы произнесем отдельно и с двумя ударениями *мода марь*, то это образование уже нельзя назвать сложным словом, это будет не лексическая, а семантическая единица, или же лексикализованное словосочетание.

Принимая во внимание указанный критерий, а также грамматические особенности, нельзя относить к числу сложных слов так называемые парные слова, напр.: м. *офтт-врьгаст*, э. *овтт-верьгист* 'хищные звери' (букв. 'медведи-волки'), м. *шумбра-пара*, э. *шумбра-паро* 'здоровый, не большой' (букв. 'здоровый-добрый', ср. русск. 'уйти подобиру-поздорову'), м. *кялю-вал*, э. *келев-валов* 'разговорчивый' (букв. 'языкастый-речистый'), м. *киттимс-морамс* 'веселиться' (букв. 'плясать-петь') и т. п. Компоненты подобных образований сохраняют фонетическую и грамматическую самостоятельность, хотя и выражают несколько новое значение по сравнению с отдельным употреблением. Называют их обычно парными сочетаниями. В "Грамматике мордовских языков" 1962 г. о них говорится следующее: "Как именные, так и глагольные парные сочетания в мордовских языках представляют собою своеобразные образования, стоящие на рубеже лексических и синтаксических единств. Парные сочетания не

подходят под понятие **сложные слова**. Наиболее удачным термином для их определения все же следует считать термин **парные слова**" (С. 61).

Нельзя называть сложными словами соединения и повторы для выражения тех или иных грамматических значений (неопределенности, интенсивности и т. п.), например: м. *из, ниле-вите* 'четыре-пять', *мезе-мезе* 'что-то', м. *валда-валда*, э. *валдо-валдо* 'светлый-светлый' и др.

Таким образом, чтобы отличить сложное слово от словосочетания, более важными являются формальные признаки, а содержание слов или словосочетаний не является достаточно показательным. К формальным признакам, отличающим сложные слова от словосочетаний, относятся:

а) цельноформенность, что предполагает неделимость на самостоятельные части и невозможность помещения между компонентами композиты других единиц лексического уровня;

б) в устной речи эта цельноподобность отражается в отсутствии какой-либо паузы между составными элементами сложного слова, в невозможности логического выделения (логическим ударением) этих элементов;

в) невозможность грамматического изменения первого компонента без существенного изменения лексического значения всего сложного слова;

г) менее важным, ибо это характерно и для некоторых типов словосочетаний, является определенный порядок (и соответственно невозможность перестановки) компонентов сложного слова;

д) компоненты сложных слов лишены тех синтаксических отношений, которыми обладают самостоятельные слова в составе предложения или словосочетания.

Большинство сложных слов в мордовских языках построено по моделям словосочетаний, прежде всего атрибутивных, поэтому опорным является последний компонент сложного слова. Морфологическое оформление этого компонента выражает морфологические свойства всего сложного слова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Деваев С. З., Цыганкин Д. В. Фонетика мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков. Саранск: Морд. кн. изд-во / НИИ яз., лит. и истории при Сов. Мин. Мордовск. АССР. С. 26–27, 41–42, 69.

Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965. С. 65.

Келин М. А. Сложные слова в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1968. С. 6–7.